

Что такое революция? Это – кульминация. Пик жизни и отдельного человека, и народа, и целого государства... А то и целой эпохи. Можно проследить на всех срезах бытия грандиозный разлом русской революции. В писательских судьбах он особенно зрим, потому что проходит прямо по душе творца. По самой ее середине. Что же обнажило в разорванной, кровоточащей русской душе революционное лихолетье? Забрызганная кровью любовь к несчастной России, обожженное в пламени пожарищ сострадание к простому человеку, иссохшая от голода и страданий тоска по человечности... Так было с Иваном Сергеевичем Шмелевым, может быть, самым русским писателем России начала бурного XX века. Страшные испытания, которые выпали на долю человека и писателя, ему пришлось испытать в благословенном Крыму.

Февральскую революцию Шмелев, как и вся демократическая интеллигенция, принял с энтузиазмом. Увлёкся революцией романтически. Ему нравилось, что страна охвачена стихией свободы. Он был недоволен старым порядком, он в восторге от того, что его ликование вливается в общий эмоциональный поток. В революции он увидел прямо-таки религиозное преобразование народа. Именно такую Россию, как мнилось Шмелеву, «чуяли Достоевский и Толстой»... В жизнеописании писателя сообщается: поддавшись общему восторгу,

он даже выступил с речью на митинге, разъяснял народу суть перемен. Но Октября Шмелев не принял. Писатель угадал в ходе революционных событий насилие над судьбой России. В первых же деяниях новой власти увиделись прегрешения против нравственности. Вместе с семьей в 1918 году Шмелев уехал в Крым и приобрел домик в Алуште. Крымский период оказался самым страшным в жизни писателя. Весной 1918 года началась интервенция, войска Антанты высадились в Крыму. В конце 1918 года по мобилизации, объявленной А.И. Деникиным, был призван в Добровольческую армию сын писателя Сергей. Для семьи Шмелевых это имело роковые последствия. В ноябре 1919 года началось наступление красных, и деникинские войска были отброшены к Крыму.

В 1918 году Шмелев написал здесь пронзительную по драматизму повесть «Неупиваемая Чаша» – о судьбе крепостного художника. Писал при фитиле из тряпок, который горел на постном масле, в комнате было то минус 6, то плюс 5, а из книг под рукой было только Евангелие. Повесть увидела свет в Симферополе при «белой власти», в 1919 году. Кто бы мог подумать, что Шмелеву вскоре самому придется испить чашу непостижимых испытаний, нестерпимых страданий, превосходящих ужасы крепостничества! Так набухали кровью строки повести «Солнце мертвых»...

Впервые Иван Сергеевич Шмелев побывал в Алуште, в Профессорском Уголке, в 1907 году. Жил на даче своего редактора Д.И. Тихомирова (педагога и издателя детского журнала). Крымская природа, ее роскошь и величие произвели на писателя сильное впечатление – оно отразилось в рассказах «Под горами» (1907) и «Виноград» (1913). Шмелеву захотелось поселиться в Крыму. В июне 1917 года он с женой Ольгой Александровной уехал в Крым, подальше от революционного пожара. Шмелевы разместились на даче Сергеева-Ценского в Алуште. После месячного пребывания на Южном берегу удалось купить земельный участок. Шмелев намеревался построить дом, посадить виноград, наслаждаться чудесным Крымом... Даже завести лошадку... Невольно возникает параллель с крымской биографией Чехова, который в конце XIX века поселился в Ялте. На одной фотографии есть и Антон Павлович – у крыльца Белой дачи верхом на лошадке... Надо сказать, что Чехов и его образы часто появлялись на страницах публицистики Шмелева, его мемуаров, в художественных произведениях. Особенно интересен цикл рассказов «Как я встречался с Чеховым». На эту тему в сборнике «Чеховские чтения в Ялте» (Симферополь, 2001) опубликована статья «Пушкин-Чехов-Шмелев». Ее автор – рано ушедшая из жизни крымчанка Ирина Богоявленская.

И.Богоявленская пишет, что благодаря произведениям Шмелева, обращенным к творчеству Чехова, появилась возможность взглянуть на русскую жизнь сквозь призму исторических перемен, вызванных революцией и гражданской войной. В романе «Солнце мертвых» по-

«Бывают странные сближенья».

А.П. Чехов и И.С.Шмелев.

Художник Н.З Панов. 1903г.

вестователь наблюдает, как округа лишается деревьев, посаженных писателями, и вспоминает прежде всего Чехова, создателя удивительных садов в литературе («Вишневый сад»), и в жизни. «Как бы он, совесть чуткая, теперь жил? Чем бы жил?!». Чехову, слава Богу, до ужасов революции дожить не довелось. Однако благодаря шмелевским аллюзиям открывается поразительная провиденциальность чеховских образов. К примеру, у Чехова в рассказе «Перекасти-поле» дан тип «скитальца по жизни», одержимого «беспокойным духом». Он меняет города, профессии, меняет веру отцов, принимает христианство, скитается по монастырям... Рассказ, кстати, написан Чеховым в 1887 году после посещения Святогорского монастыря в Донецкой Швейцарии. Места, где ныне развернулись бои украинской армии против самопровозглашенных донецких республик... Шмелев схватывает этот же тип в эпоху революционной ломки. Человек-скиталец, лишенный нравственных корней, оторванный от родных святынь, ничем в жизни не дорожит, ничего не боится, ему все позволено. У Шмелева этот образ символизирует «человеческий сухостой», чертополох. Революцию принял, прежде всего, именно «сухостой»: ему «все едино, на каком ветре мотаться». «Где нет Бога – там будет Зверь».

В очерках «Пятна» он писал, что в большевизме нет любви ни к народу, ни к родине. В декабрьском 1917 года очерке «Про модные товары» показан такой большевик – с громадными кулаками, в кожаной куртке, «не человек, а... машинное масло», в речи его не было хозяйственного, насущного, а было о массах, классах, капитализме, о том, как буржуям «кишки выпустят»... Этот образ просматривается в «Солнце мертвых» и ряде других произведений Шмелева. Та же идея

просматривается в «Солнце мертвых». Один из героев, доктор, в годы всеобщей усобицы вспоминает чеховского телеграфиста Ятя («Свадьба»): именно эти пустышки, чтобы «свою образованность показать», ополчились на исконную славянскую букву «Ять»: «Стереть ее, окаянную!». Судьба буквы оказалась созвучной судьбам миллионов людей, точно так же «стертых» с лица земли по прихоти взбесившихся телеграфистов.

Лакей Яша из «Вишневого сада», как и телеграфист Ять – «грядущий хам». Этот тип реализовался у Шмелева в образе предпринимателя Щепикова (рассказ «Загадка», 1916). Он мечтает перебраться в барский дом и поиздеваться над портретами бывших хозяев. Угрозой будущему России становятся уже не Лопахины, которые стремились поменять один вид собственности на другой, а лакеи Яши, которые посягают на нравственные устои, на «Бога, Смерть, Жизнь»...

Наконец, еще одна выразительная переключка, на которую обратила внимание крымская исследовательница. У Чехова в рассказе «Сапожник и нечистая сила» повествуется о сделке человека с дьяволом. Попробовав сытой жизни, сапожник понимает, что на свете нет ничего такого, за что можно было бы «отдать нечистому хотя бы малую часть своей души». Герой Шмелева – революционный матрос Всемога – действует в эпоху вседозволенности. Его обуяла гордыня, бесовство стало вторым его «я». Сделка с дьяволом закономерно ведет его «в самую прорву». В финале сказки о Всемоге реализуется библейская притча о свином стаде, в которое вселились бесы: матрос бросается вниз головой с яру. «Поутру нашли – видят: сапоги с подковами из воды торчат, а самая голова – в море пьет».

Да, безбожность, безнравственность, бесчеловечность изломанных в эпоху революции людей выразилась в апологии дьявольского начала. После эвакуации белогвардейцев из Севастополя первым на его улицах появился броневик «Антихрист»... Один из первых революционных журналов назывался «Красный дьявол». Отмечено, что у отмороженных чеховских каторжан наиболее популярной была фамилия «Безбожный»... На эту деталь в «Острове Сахалине» обратил внимание петербургский чеховед Игорь Сухих.

Революционные катаклизмы тяжело отразились на здоровье Шмелева. Он чрезвычайно болезненно воспринимал происходящее. В мае 1918 года писатель заболел анемией. Настолько тяжело, что потерял способность говорить. Много волнений принес единственный сын Сергей, который попал в Добровольческую армию. Двадцатипятилетний офицер служил в комендантском управлении в Алуште, в боях не участвовал. После бегства врангелевской армии осенью 1920 года многие белогвардейцы не захотели покинуть Родину. Им предложили сдать оружие. Среди них был и сын Шмелева. Его арестовали. Шмелев пытался найти, выволить сына, но невозможно было доискаться страшной правды.

Поиски документальных свидетельств гибели Сергея позволили историкам обнаружить в фондах Отдела рукописей Российской государственной библиотеки один документ. Называется он так: «Сведения по делу С.И. Шмелева, сына писателя И.С. Шмелева, обратившегося с просьбой помочь разыскать сына». Это заметки В.Я. Брюсова, к которому писатель обратился с просьбой помочь в поисках. Сам вид документа дает представление о том страшном времени: три мятых листка бумаги, исписанные карандашом с многочисленными сокращениями. Датировка предположительная – 1920 год. Вот что явствует из него. 11 декабря 1920 года Сергей Иванович Шмелев, 1896 года рождения, явился в Особый отдел третьей дивизии Четвертой армии в г.Феодосии со всеми документами, анкетой и фотографией. По обвинению в участии во врангелевской армии был заключен под стражу. Приговор был вынесен 29 декабря 1920 года, но расстрелян был позднее, так как был болен (туберкулез). Отцу сообщили, что сын выслан на Север.

Сохранились лишь немые свидетели последних минут жизни сына писателя: Черное море, невысокие Крымские горы и феодосийская бухта... Расстрелы 1920–1921 годов проходили в районе города, который называется Карантином. Там и нашел свою смерть Сергей Шмелев. О его судьбе поведала переписка Ивана Шмелева с наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским. Письма были обнародованы в документальной публикации «У меня взяли сердце...» (Лепта, №2, 1993; подготовка текста Ирины Тумашевой). Самое первое письмо относится к 21 декабря 1920 года: «Алушта, д. Тихомировой. Многоуважаемый Анатолий Васильевич, Пишу Вам, как писателю-товарищу и как лицу, стоящему во главе Наркома[та] по просвещению. Некому мне писать больше, я в отчаянии. Вы уж не посетуйте на меня. Можете помочь – помогите, или я погибну. Все же я российский писатель, сделал же я хоть что-нибудь доброго в жизни! Зла не делал. Умоляю, помогите»...

Шмелев детально описывает, как больной сын попадает в жернова безжалостного красного Молоха. Сергей был арестован в Феодосии, и узнать какие-либо сведения о его судьбе оказалось невозможным. «Вчера я узнал, что сын мой направлен или направился в Харьков. Ни строчки я не имею от сына вот уже 3 недели. Не знаю, где он, зачем его взяли в Харьков и что с ним будет. Он трудно больной (поражены оба легких), без денег, плохо одет. А теперь зима. За что все это?! За то, что служил против воли, мучился, за то, что остался добровольно? <...> Что же теперь? Затерялся след его. Я не могу передать боли, горя, обиды. Мы не бежали, мы с открытой душой остались, чтобы в родном жить и работать для новой и более светлой, справедливой жизни. Помогать строить ее, как умеем. Я мечтал писать для большой аудитории лекции по искусству. Работать для нового театра. Я хотел, имея волю к работе. Теперь я не могу думать. Без сына, единственного, я погиб-

ну. Я не могу, не хочу жить. <...> У меня взяли сердце. Я могу только плакать бессильно. Помогите или я погибну. Прошу Вас, криком своим кричу – помогите вернуть сына. Он чистый, прямой, он мой единственный, не повинен ни в чем».

Сколь ни была острой боль за сына, Шмелев не может не думать о судьбах литераторов в красном Крыму. «Теперь, позвольте, перейти к общему положению, к положению писателей. В Алуште у меня и Ценского местный предревком[а] отобрал мандаты. <...> Отбирают последнее достояние. Требуют одеяло, утварь, припасы. Я отдаю последнее, у меня ничего своего, все от добр[ых] людей – и то берут. Я болен, я не могу работать. Я имел только 1/4 ф[унта] хлеба на себя и жену. Если бы не мал[ый] запас муки, я умер бы с голоду. Я не знаю, что будет дальше. Посл[еднюю] рубаху я выменяю на кус[ок] хлеба. Но скоро у меня отнимут и последнее. У меня остается только крик в груди, слезы немые и горькое сознание неправды. Вы знаете – не для потехи имущих писал я книги. Они издаются. А меня гонят, гонят, гонят. За что? Я не был ни врагом, ни другом чьим бы то ни было. Я был только писателем, слушающим голос души своей. *Страдания обездоленного народа – вот мое направление, если надо искать направления.* <...> У Ценского требовали посл[еднюю] корову, грозя арестом в случае неповиновения. К.А. Тренев, беллетрист, также просит выяснить положение писателей. Он стеснен <...>. Он бьется с детьми большими, хотя он еще и учитель <...> Мои книги печатает Москва, но я не имею за них ни копейки. Я существую только благодаря вниманию и любви некоторых моих читателей. Я хожу по учреждениям и прошу меня покормить. Мне стыдно. Мне больно. Я добиваю посл[еднюю] обувь. Скоро я паду где-нибудь на улице. У меня выветрилась душа. Помогите <...>. За что нас гонят. Есть ли еще правда в России? <...> Силы на исходе. Только на Вас, на представителя культуры моя надежда. Не отнимайте ее. <...> Все больше подступает отчаяние. Остается один выход – распорядиться собой самовольно – не жить больше. Только надежда узнать о сыне и удерживает. Умоляю, помогите».

Луначарский обратился к М.И. Калинину, будущему всесоюзному старосте, с просьбой прояснить судьбу сына Шмелева: «25 мая 1921г. Прилагаю при сем письма писателя Шмелева. Его горькое послание по поводу судьбы его сына пришло ко мне с большим опозданием. Тогда же удалось добиться телеграммы за подписью Ленина о приостановке расстрела. Оказалось, однако, что сын его был расстрелян, да к тому же уже, кажется, в январе». Ответ Калинина от 25 мая 1921 года гласил: «... вряд ли чем можно ему помочь по делу его сына, для нас ясны причины расстрела его сына, расстрелян, потому что в острые моменты революции под нож революции попадают часто в числе контрреволюционеров и сочувствующие ей. То, что кажется так просто и ясно для нас, никогда не понять Шмелеву. Во всяком случае надо ему помочь...».

«Попал под нож революции»... Шмелев еще долго – даже в эмиграции – не мог поверить в гибель любимого сына. Страшная метаморфоза произошла в душе Шмелева. Об этом писатель откровенно поведал В.В. Вересаеву в письме от 8/21 сентября 1921 года: «...Ах, дорогой Вик<ентий> Вик<ентьевич>! Много бы я сказал, но нет сил, смято в моей душе все. *Все мои взгляды на жизнь людскую перестроились, словно мне вставили иные глаза.* Все, ранее считавшееся важным, – уже не важно, великим – уже не то. Знаете ли, я сразу составил лет на 1000! И многое, раньше звучавшее стройно, как церковный орган, – только скверная балаганная музычонка! *И люди попали на глаза мои новые в новом виде, и как же пожалеть только можно все и всех. Увидел новое – и сказал бы новое и по-новому. И природу увидел по-новому.* <...> *И как же глупо и ничтожно все, что писал я раньше, и самая манера писанья! Не тонким бы перышком стал бы я водить, а взял бы самую большую кистищу маляра...*» (выделено мною – ГШ).

Я специально выделил в письме Шмелева строки о «новых глазах», которые после пережитой трагедии «по-новому» увидели и жизнь, и людей. Вот, приведу образчик того, как видел окружающий мир талантливый герой его «Неупиваемой Чаши» – художник-самоучка Илья: «Взлет души и взмах ее вольных крыльев познал Илья и неиспиваемую сладость жизни. Изливалась она, играла: и в свете нового солнца, и в сладостных звуках церковного органа, и в белых лилиях, и в неслыханном перезвоне колоколов. Переливалась в его глаза со стен соборов, с белых гробниц, с бесценных полотен сокровищниц. Новые имена узнал и полюбил Илья: Леонардо и Микельанджело; Тициана и Рубенса; Рафаэля и Тинторетто... Старые камни узнал и полюбил Илья, и приросли они к его молодому сердцу...». В свете «нового солнца» все наполнилось неизбывной красотой природы и культуры: «Господи... Твою красоту видел...». И позднее, когда пришло время настоящего творчества, открылась Илье истина: «...все, что вливалось в его глаза и душу, что обрадовало его во дни жизни, – вот красота Господня. <...>. В прозрачном и чутком сне перекинулась радуга во все небо. Плыли в эти небесные ворота корабли под красными парусами, шумели морские бури; мерцали негасимые лампы-звезды; сверкали снега на неприступных горах; золотые кресты светились над лесными вершинами <...> и наплывали из ушедших далей звуки величественного хора, и белые лилии в далеких садах, и тихие яблочные сады, облитые солнцем...». Это не обычная проза – скорее, торжественный хорал во имя земной красоты! Какими светлыми словесными красками живописует мир писатель Шмелев!

И каким контрастом появится перед взором «новых глаз» выжженная людская пустыня Крыма в книге «Солнце мертвых»! «В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалы Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались

своего убийства. А над ними пили и спали те, что убивать ходят. А на столах пачки листов лежали, на которых к ночи ставили красную букву... одну роковую букву. С этой буквы пишутся два дорогих слова: Родина и Россия. «Расход» и «Расстрел» тоже начинаются с этой буквы. Ни Родины, ни России не знали те, что убивать ходят. Теперь ясно».

Трагедией утраты любимого единственного сына испытания семьи Шмелевых не исчерпались. <...>. Предстояло пережить страшный голод, который в благодатном крае был ничуть не легче, чем во всей России – трагический голод 1921-го года, унесший по Руси страшный выкуп – 5,5 миллионов человек. Гнев, печаль и скорбь овладели душой писателя. Они искали выхода. Но писать правду уже было нельзя, а лгать Шмелев не умел. Приходилось писать в стол со смутной надеждой, что правду узнают люди... Писатель общался с проживавшими тогда в Крыму К.Трениевым, В.Вересаевым, С.Сергеевым-Ценским. Его поддерживал Бунин – с октября 1919-го он был главным редактором одесской газеты «Южное слово»; в состав редакции вошел и Шмелев. Но никакое общение и никакая поддержка не могли спасти его от чувства бессилия перед большевиками. Октябрь он ненавидел, как и большевиков, и пролетариев, именем которых совершалось революционное насилие. М. Пришвин записал в дневнике: «Шмелев. Ненавидит пролетариат как силу числа дрянных людей; дворянство, напр., <...> кусок благородного человека, а что имеет в себе пролетариат?»

Красная пресса умалчивала о страшной судьбе голодающего населения Крыма. В эмигрантских же газетах сплошным потоком шли сообщения об ужасе, который творился на родине. В советской России их называли ложью, антисоветчиной. В белградском «Новом времени» (в этой газете в 80-90х годах XIX века печатался А.П.Чехов) почти ежедневно публиковались письма очевидцев. Вот что заметка от 12 сентября 1922 года сообщала о положении в Феодосии: «Голод не прекращается. В день умирает 30-40 человек. Трупы всюду валяются на улице. <...>. На главной Итальянской <...> лежат ничком умирающие. <...>. По всему городу бродят стаи «ревунов». Весь день и ночь в двери стучатся цыганята и татарчата, умоляющие дать что-либо. Мертвецов раз в неделю свозят и закапывают в ямы <...>. На Карантине, вот уже четыре дня, пятилетний ребенок бьется, рыдая у трупа умершей от голода матери. И никто даже не заходит в дом. Хлеб выхватывают на улице из рук. В порту целые стаи голодных нападают на крошки кукурузы, которые падают при перегрузке американских запасов с пароходов в вагоны. Стражники бьют голодных, стреляют в воздух <...>. Налеты и бандитизм стали новым грозным явлением и приняли массовый характер. Ограблены чекистами все дачевладельцы... В Керчи и Симферополе еще хуже. В Судаке убита учительница земской школы Севастьянова, помещики Сухановы и др. В Таракташе Большом и Малом умирают по 40 чел. в день. В дер. Козы (у Судака) началось людоедство».

27 сентября в заметке «Положение Крыма» сообщалось: «Голод в Крыму за 1921-22 г. не уступил Поволжью. В Крыму погибло свыше 10% взрослого населения. Некоторые города и села – Карасу-базар, Бахчисарай, Евпатория – разрушены, вымерли и опустели на 50%. Почти уничтожен крупный рогатый скот. Площадь <...> местных культур сокращена на 75%. <...>. В настоящем году Помголу (организация помощи голодающим) придется кормить не менее 350000 жителей Крыма, т.е. половину всего населения. Особенно тяжело положение детей. В общем, голодают 20000 детей»...

24 декабря 1922 года в статье Ф.Кирданского «Красный Крым» воспроизводится сообщение беженца из Советской России: «Голод в скором времени опять посетит несчастный Крым, т.к. запасов хватит лишь до февраля. Положение интеллигенции кошмарное: службы нет <...> продано почти все. Красноармейские части оборваны, голодны <...>. Жизнь кажется бредовым сном, все окутал (...) красный туман...».

Вернувшись из Крыма в Москву весной 1922 года, Иван Сергеевич принялся хлопотать о выезде за границу, куда его настойчиво звал Бунин. 20 ноября 1922 года Шмелев с женой выезжает в Берлин. Бунин, старался помочь семье Шмелевых, приглашает Ивана Сергеевича в Париж, обещает выхлопотать визы. В январе 1923 года Шмелевы перебираются в Париж, где писатель прожил последние 27 лет. Первым произведением Шмелева эмигрантского периода стало «Солнце мертвых» – трагическая эпопея. Впервые «Солнце мертвых» было опубликовано в 1923 году, в эмигрантском сборнике «Окно», а в 1924 году вышло отдельной книгой. Сразу же последовали переводы на французский, немецкий, английский, что для русского писателя-эмигранта, совсем неизвестного в Европе, было большой редкостью.

«Солнце мертвых» – это первое в русской литературе глубинное проникновение в суть российской трагедии.

Обратимся к документам, собранным крымским краеведом Лией Николаевной Поповой и опубликованным в статье об алуштинских прототипах «Солнца мертвых». В 1918-1920 годах Крым переходит из рук в руки то Красной, то Белой армии. В ноябре 1920 года на полуострове устанавливается советская власть, и начинается «красный террор», голод, бесправие, насилие – словом, «прикосновение личности». «Солнце мертвых» охватывает события с августа 1921 года по весну (февраль) 1922 года. На примере крохотной Алушты, в которой в то время насчитывалось 2,5 тысячи жителей, нашла отражение трагедия всей России.

Героями повествования являются жители города, соседи Шмелева: почтальон Дрозд; кровельщик Кулеш, чьи «хлюгера самые хвасонистые в виде петушков, анделов с трубой, конников крутятся по всему берегу, аж до Ялтов»; винодел Верба с вербенятами, и другие. Эти фамилии и сегодня можно встретить в Алуште. В повести нет вымышленных имен и событий.

В книге И.С. Шмелева находим такие строки: «Кашина сына расстреляли в Ялте. И отец помер от разрыва сердца. Мальчик был студент, славный мальчик. На войне был с немцами, а то все здесь жил тихо... рабочие любили... В приказе напечатано... на стенке». Работая в республиканском архиве, краевед нашла его анкету: «Кашин Николай Сергеевич, 20 лет, родился в Алуште, ученик 7-го класса местной гимназии. Отец служит виноделом в имении Токмаковой. По мобилизации 1919 года в декабре служил в Джанкое на эвакуационном пункте санитаром, откуда был освобожден по болезни, 12-го октября 1920 года опять мобилизован и служил в алуштинском комендантском управлении. Обстоятельства пленения: остался как местный житель. 14 декабря 1920 г. Дача «Дивная», ком.26. Подпись: Кашин». Вероятно, это последняя запись в его жизни, так как на даче «Дивной» размещался в 1920–21 гг. Алуштинский ревком, откуда, после заполнения анкеты «о регистрации участников белого движения» путь был один – в могилу.

Сергей Алексеевич Кашин, известный винодел, автор многих марок крымских вин, одно из которых и по сей день является гордостью Массандры: вино столовое «Алушта». По постановлению Симферопольской ЧК, он был выслан «на север», в Харьков. В Крымском архиве хранится письмо его жены, Капитолины Федоровны, в Алуштинский ревком с просьбой вернуть мужа: «...Прошу ревком оказать воздействие к возвращению мужа в Крым для работы по специальности. Это крайне необходимо для нас, его семьи, т.к. я совершенно больная женщина, а сын еще учится, и без мужа, отца, находимся в крайней нужде. Кроме того, от возвращения его в пределы Крыма местное виноделие только выиграет, так как в течение 30 лет он состоял виноделом одной из солидных фирм в Крыму...». «Резолюция: «Отказать в ходатайстве гр. Кашиной о возвращении ее мужа, Член ревкома – Кравченко. 30.08.1921 г.».

Особенно трагично складывались судьбы русских интеллигентов, жителей алуштинского Профессорского уголка. Здесь, как известно, селились ученые, писатели, преподаватели лучших учебных заведений России. «...Профессорский уголок, – отмечает И. Шмелев, – с лелеянными садами, где сажались и холились милые розы, привитые «собственной рукой», где кипарисами отмечались этапы жизни... Где вы теперь, почтенные созидатели – профессора, доктора, доценты, – насельники дикого побережья, говорившие «вы» – камням?.. Бежали – зрячие. Под земли ушли – слепые».

Вот перед читателями предстает профессор Иван Михайлович (Белоруссов), высокий старик в башлыке, обмотанный по плечам шалью, с корзинкой и высокой палкой... «Родной! Го-лубчик... – слезливо окает он, и плачут его умирающие, все выплакавшие глаза. – Крошечки собираю... Хлебушко в татарской пекарне режут, крошечки падают... вот набрал с горсточку, с кипяточком попою... Комодиком топлюсь, последним... Ящики у меня есть из-под Ломоносова... с карточками-выписками, хороших четыре ящика! Нельзя: материалы

для истории языка... Последнюю книгу дописываю... Каждый день работаю с зари по четыре часа. Слабею... Умру... Ломоносов пропадет! Писал комиссарам... никому дела нет».

Личность необычная... В России большой популярностью пользовался учебник И.М. Белоруссова по «Русской грамматике» (Нежин, 1884). О достоинствах его свидетельствует то, что при выходе в свет его 18-го издания Министерство народного просвещения удостоило автора премии Петра Великого. Последнее, 26-е (!!!) издание вышло в 1916 году. Оказывается, что профессор Белоруссов был не только знакомым Шмелева, но и его доверенным лицом. В архиве хранится доверенность, по которой Иван Сергеевич Шмелев уполномочивает Белоруссова купить для него в черте Алушты участок земли....

Дальше читаем у Шмелева: «...Иван Михайлович, писал книжки. Потом про Ломоносова писать начал <...>. Даже премию ему дали... Была у нас в Питере такая Академия Наук... Буржуи, конечно, там всякие сидели, “ученая рухлядь” всякая... Ну, вот эта “ученая рухлядь” за Ломоносова премию дала, медаль золотую». А вот что пишет Л.Попова: «В конце жизни Белоруссов много занимался изучением языка сочинений М.В. Ломоносова и подготовил большой “Словарь ломоносовского языка”, в рукописи удостоенный Академией Наук в 1914 году премии. Со смертью его погиб и этот колоссальный труд!...». В «Солнце мертвых» читаем: “Умер старик вчера, избили его кухарки! Черпаками по голове били в советской кухне. Надоел им старик своей миской, нытьем, дрожанием... Лежит профессор, строгий лицом, в белой бородке, с орлиным носом, в чесучовом сюртуке форменном, сбереженном для гроба...». «Черпаками по голове били в советской кухне...» – обыденно и страшно. Вот таким беспощадным стало новое зрение и перо писателя Ивана Шмелева.

Здесь приведены исторические, документальные факты о реальных прототипах шмелевских героев. В повести их – десятки и сотни. В полном смысле документальны и все бытовые реалии книги: это сам Шмелев, пробираясь с топором по оврагам и буеракам, рубит сухие сучья и ветви, чтобы зимой не умереть от холода. Это к нему стучится девочка Анюта, у семьи которой отняли последний кусок хлеба: « – Папашу... взя... ли... Гришуня наш помер сегодня... и все наше салыце взяли... и требушку взяли... на зиму припасали... <...> Босая стоит она, освещенная половинкою месяца, выбежавшей из тучи. На ней рваный платок мамы Нasti и розовенькая кофточка без пуговок. Она трясется от ужаса, который она предчувствует. <...> Этот крохотный городок у моря... – это ведь только пятнышко на бескрайних пространствах наших, маковинка, песчинка... Что я могу?! Не могу сказать даже слова... Кладу на плечо руку. Она уходит с сухой лепешкой, с горсточкой миндаля и грушки. Уносит в своем платке виноградную кожуру гнилую...».

Это сам Шмелев выстаивает на мокрых холмах, созерцая мрачные окрестности: «Что я хочу увидеть? <...>. Никто не придет из да-

лей. И далее нет. Ползут и ползут тяжелые тучи с Бабугана. Чатырдаг закрылся . <...>. Задует снегом. Смотрю на море. Свинцовое. Бакланы тянут свои цепочки, снуют над мутью... ходят и ходят шипучие валы гальки. И вот выглянет на миг солнце и выплеснет бледной жестью. Бежит полоса, бежит... и гаснет. Воистину –солнце мертвых!».

Шмелев назвал свое повествование эпопеей, придав ему тем самым эпохальное значение: каждая частная судьба, каждый бытовой факт, каждая деталь несут в себе обобщение символической емкости. Наполнено символикой и название: «Солнце мертвых». Во все времена солнце воспринималось как животворящая сила, как культурным герой, побеждающий хаос и тьму. Известный литературовед В.Кошелев писал, что «железная метла» репрессий большевиков превратила все население Крыма в «почти не сущих» (т.е., не существующих): и бывших русских интеллигентов, и бывшего профессора из вологодских крестьян, и бывшего доктора, и бывшего почтальона, и бывшую няню с детьми, и бывшего слесаря, и бывшего рыбака, и бывших татар... И на этот *бывший* мир смотрит с высоты «солнце мертвых» – *бывший* символ жизнотворчества... «Солнце как будто светит, но это не наше солнце <...> совсем другое, – холодное <...> оловянное, пустое солнце» <...>, солнце порою весну напомним, но светит жидко <...>. Тощее солнце светит, больное, мертвое...

По словам Александра Амфитеатрова, «более страшной книги не написано на русском языке...». В старых учебниках истории КПСС мы читали фразы о «триумфальном шествии Великого Октября по России»... Благодаря Ивану Шмелеву понимаешь: в Крыму это было не шествие, а скорее – нашествие «железной метлы»...

БИБЛИОГРАФИЯ:

¹ Шмелев И.С. Сочинения, в 2-х тт. М.: Худ. Лит., 1989.

² Михайлов О.Н. Об Иване Шмелеве. В кн.: Шмелев И.С. Сочинения. Т.1, М., 1989.

³ Кошелев В.А. Мифология солнца в эпопее Ивана Шмелева // И.С.Шмелев и писатели литературного зарубежья. XX Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта: Антика, 2012.

⁴ Попова Л.Н. Алуштинские прототипы «Солнца мертвых». Документальный очерк – сайт Дома-музея И.С.Шмелева в Алуште.

⁵ Богдавленская И. Пушкин-Чехов-Шмелев // От Пушкина до Чехова. Чеховские чтения в Ялте». Симферополь, 2001.

⁶ «У меня взяли сердце...». Письма И.С.Шмелева к А.В. Луначарскому. Подготовка текста Ирины Тумашевой // Лепта, №2, 1993.

⁷ Новое время. Ежедневная газета русских эмигрантов. Редактор М.А. Суворин. – Белград, 1922 г.

⁸ Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнеописание. – <http://www.portal-slovo.ru>

⁹ Шалюгин Г.А. «Чтение произведений А.Чехова было для меня...упоеанием». (А.Чехов и И.Шмелев – рукопись).

